

Выйдя из супермаркета, эти двое отыскивали свой электроскутер. Цзян Шоуянь, надев рюкзак Чэн Цзайе, устроился на заднем сиденье. Чэн Цзайе сложил все покупки в корзину спереди, обернулся и спросил:

— Уселся?

Цзян Шоуянь кивнул:

— Да.

Чэн Цзайе вскинул бровь:

— Уверен?

Цзян Шоуяню этот короткий диалог показался смутно знакомым, словно он только что слышал его в супермаркете, вот только роли собеседников поменялись местами. Пока он с подозрением пытался вспомнить обстоятельства, Чэн Цзайе со смехом отвернулся и выкрутил ручку газа. Электроскутер со свистом рванул вперёд. Впереди начался спуск, поэтому Цзян Шоуянь непроизвольно подался вперёд и врезался в спину Чэн Цзайе. Полуденный ветер, пропитанный влагой Атлантики, скользнул по лицу, принося с собой звонкий смех сидящего впереди Чэн Цзайе.

— Что за ребячество, — со смехом пожурил его Цзян Шоуянь, шлёпнув по боку.

Чэн Цзайе ответил:

— Я же спросил, нормально ли ты уселся, ты сам не захотел меня обнимать.

Склон был длинным и пологим. Они миновали тот самый парк, тени деревьев одна за другой скользили по их фигурам, как вдруг Чэн Цзайе повернул голову и воскликнул:

— Цзян Шоуянь, смотри — белый павлин! Видишь, впереди справа под деревом, он отряхивает перья! Как думаешь, когда мы будем проезжать мимо, он распустит хвост?

— Не буду гадать, — ответил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе заканючил:

— Ну угадай! Угадай! Ставлю на то, что распустит. Если я угадаю, ты меня поцелуешь.

— А если ошибёшься? — Чэн Цзайе только открыл рот, как Цзян Шоуянь вовремя добавил: — Вариант «тогда я поцелую тебя» не принимается.

Чэн Цзайе захлопнул так и не успевший ничего изречь рот и пробурчал:

— Тогда я точно должен выиграть.

Их силуэты мчались сквозь тени деревьев. Электроскутер ветром пролетел последний участок затяжного спуска, всё ближе подбираясь к белоснежной птице. Белый павлин встряхнул оперением, опустил голову, клюнув что-то в траве, прошёлся взад-вперёд — делал что угодно, только не распускал хвост.

Чэн Цзайе действовал решительно: он наполовину зажал тормоз, вынуждая электроскутер сбавить ход, и тот по инерции, словно змея, стал выписывать зигзаги по краю дороги. Цзян Шоуянь стиснул ладонями его талию:

— Жульничаешь?

Чэн Цзайе ещё немного поджал тормоз, и из-за нехватки тяги скутер стал вилять ещё медленнее:

— Это не жульничество, это называется «приложить все усилия, чтобы ухватить шанс».

Свет упал на плечо Чэн Цзайе и медленно переполз на висок Цзян Шоуяня. И ровно в тот миг, когда инерция скутера окончательно иссякла и Чэн Цзайе волей-неволей пришлось выкрутить ручку газа, чтобы пронестись мимо белого павлина, тот распустил хвост. Белоснежное оперение отливало нежным перламутром — зрелище было божественно прекрасным — настолько, что, казалось, само время замерло.

Чэн Цзайе краем глаза в зеркале заднего вида поймал изящную линию шеи оглянувшегося Цзян Шоуяня, зная, что именно такие неожиданные сюрпризы трогают сердце сильнее всего. Но он не стал останавливаться, лишь сбавил скорость, позволяя взгляду Цзян Шоуяня задержаться на этом великолепии подольше, пока тот наконец медленно не повернулся обратно.

— Я выиграл. — Чэн Цзайе, сгорбившись, самодовольно пожал плечами, ускорился, пересёк широкую улицу и свернул в безлюдный переулок. Он слегка повернул голову, цепко лова Цзян Шоуяня боковым зрением, и сказал: — Давай, выплачивай награду. Целуй.

В глазах Цзян Шоуяня всё ещё искрился восторг. Усмехнувшись, он ответил:

— На дорогу смотри, сейчас в дерево врежешься.

— Цзян Шоуянь, — лениво протянул на ветру Чэн Цзайе, — поцелуй меня.

Цзян Шоуянь потянулся и чмокнул его в щёку. Крайне довольный собой Чэн Цзайе вывернул

руль в самую последнюю секунду перед тем, как скутер едва не вылетел на газон.

Солнце далёким диском висело над морским горизонтом. Ветер нёс с собой тихий свет, вытягивая тени, ложившиеся на безмятежную траву. Дальше на электроскутере было не проехать: впереди начался длинный и крутой подъём. Насколько весело им было съезжать вниз, настолько же мучительно оказалось забираться наверх. Чэн Цзайе упёрся ногами в землю, обернулся и предложил:

— Этот участок поведёшь ты, а я буду толкать сзади.

Цзян Шоуянь, опираясь на сиденье, перебрался вперёд и признался:

— Я очень давно не ездил на электроскутере.

В период, когда он работал, и дом, и компания находились совсем рядом со станциями метро, так что в повседневной жизни он редко брал в аренду даже обычные велосипеды. Чэн Цзайе отпустил руль и обошёл скутер сзади:

— Главное — не сдавай назад, этого хватит.

Состояние дорожки и впрямь оставляло желать лучшего: сплошные колдобины, колёса то и дело натывались на камни. К тому же это была их первая вылазка и они не имели чёткого представления о запасе хода электроскутера. После столь долгой поездки индикатор на панели уже мигал красным, и поднимать скутер в гору было очень трудно. Цзян Шоуянь водил не так уверенно, как Чэн Цзайе. Он ехал зигзагами, и Чэн Цзайе, толкавшему скутер сзади, периодически приходилось силой выравнивать направление.

— Может, лучше ты? — предложил Цзян Шоуянь, поймав в зеркале заднего вида взгляд Чэн Цзайе. — А я буду толкать.

Чэн Цзайе, выравнивая сбившееся дыхание, ответил:

— Это довольно утомительно, уж лучше ты рули.

Цзян Шоуянь послушно вцепился в руль, изо всех сил стараясь ехать по прямой. Они, пошатываясь, одолели уже половину склона, когда заряд батареи иссяк окончательно. Цзян Шоуянь не успел выровнять руль и почувствовал, что скутер неумолимо тянет назад. Под аккомпанемент панического: «Эй-эй-эй!» в возникшей суматохе им так и не удалось спасти положение. Электроскутер завалился набок и застрял у камня на газоне, а Цзян Шоуянь в последнюю секунду успел с него спрыгнуть.

Часть покупок из корзины рассыпалась по траве. Цзян Шоуянь обернулся к Чэн Цзайе, а тот, схватив за руку, оттащил его в сторону. Ни у одного из них не возникло даже мысли броситься поднимать скутер или собирать рассыпанные вещи. Они несколько секунд смотрели друг на друга, а затем одновременно расхохотались.

— И что теперь делать? — спросил Цзян Шоуянь, положив пальцы на плечо Чэн Цзайе. В его смехе сквозила лёгкая безысходность. — На нём мы уже не доедем.

Раз уж всё так обернулось, Чэн Цзайе решил не торопиться домой. Потянув Цзян Шоуяня за собой, он уселся прямо на газон.

— Ничего страшного, позже потихоньку докатим его.

Климат здесь был мягким, а растительность — пышной. Окружённая горами и водой местность изобиловала пейзажами, от которых захватывало дух и пела душа. Чэн Цзайе откинулся назад, опираясь руками о траву, и подул на чёлку, чтобы хоть немного охладиться. Внезапно он кое-что заметил и ткнул Цзян Шоуяня локтем в бок.

— Что такое? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе слегка развернулся и указал:

— Вон там нора сурка. — Он питал к подобным вещам особый интерес. Подойдя поближе, опустил на корточки, заглянул в нору, а затем вернулся к скутеру и наклонился: — Если мне не изменяет память, мы ведь покупали рисовое печенье «Ванван Сюэбин»?

В процессе поисков его взгляд случайно наткнулся на ту самую зелёную коробочку с презервативами. Пальцы Чэн Цзайе на мгновение замерли, после чего он поспешно затолкнул её поглубже в пакет.

Цзян Шоуянь тем временем тоже уселся на корточки возле норы и, склонив голову, спросил:

— А суркам можно есть сладкие рисовые крекеры?

— Нельзя, — ответил Чэн Цзайе. Разорвав внешнюю упаковку, он достал один пакетик с печеньем и подошёл. — Просто проверим, сможем ли мы выманить его на запах.

Цзян Шоуянь внезапно вспомнил популярный мем с орущим сурком, и уголки его губ слегка дрогнули в улыбке. Удивительно, но Чэн Цзайе, казалось, прочитал его мысли. Протягивая ему крекер, он спросил:

— Вспомнил то видео, где сурок орёт: «А-а-а!»?

Цзян Шоуянь с лёгким удивлением повернулся к нему. Чэн Цзайе со смехом пояснил:

— Хотя я и похож на европейца, моя мама — китайка. У неё двое родных братьев и целая куча двоюродных, так что у меня полно братьев и сестёр. В основном это молодёжь, они часто присылают мне в WeChat всякие мемы, и этот — один из самых ходовых, — сказал Чэн Цзайе. — Но на самом деле сурки кричат совсем не так. Их голос больше похож на птичий — такой тонкий-тонкий, пронзительный. — С этими словами Чэн Цзайе отломил половинку крекера и

положил в рот, а вторую пристроил у входа в нору, слегка покачивая ею.

Цзян Шоуянь откусил кусочек рисового печенья. Он плохо представлял себе, что такое большая семья, о которой говорил Чэн Цзайе. В его собственной всегда было мало народу, а теперь и вовсе остался он один. При этой мысли он слегка опустил глаза, но в следующую секунду Чэн Цзайе взволнованно хлопнул его по руке:

— Вылезает, вылезает!

Зверёк вёл себя осторожно: из норы показался лишь чёрный нос, который принялся боязливо принюхиваться. Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе дружно отступили на несколько шагов. Чэн Цзайе, словно на рыбалке, потихоньку пятился, приманивая сурка крекером. Тот пополз следом, цепляясь лапками за край норы, чтобы в любой момент иметь возможность нырнуть обратно в безопасное место. В этом положении они замерли минуты на две.

То ли зверёк перестал чувствовать угрозу, то ли аромат печенья пересилил осторожность, но сурок полностью вылез и, следуя за рукой Чэн Цзайе, поднялся на задние лапки. Картина была настолько умильной, что Цзян Шоуянь не выдержал и рассмеялся. Сурок, почуяв запах печенья в его руках, мгновенно насторожился и сиганул в его сторону. Цзян Шоуянь от испуга отпрыгнул и бросился наутёк, сурок — за ним.

Чэн Цзайе принялся подзадоривать:

— Ешь быстрее, ешь! Как доешь — он отстанет!

Сурок и впрямь бросил погоню за Цзян Шоуянем, зато развернулся и припустил за Чэн Цзайе. Тогда и Чэн Цзайе вскочил и побежал вслед за Цзян Шоуянем. Оба никогда раньше не попадали в подобные ситуации, а потому бежали по открытому полю, хохоча во весь голос, навстречу ветру.

Печенье давно закончилось, да и сурок отстал. Окружённые бескрайними просторами, зеленью и лучами заходящего солнца, они добежали от середины склона до самого подножия и там

остановились, тяжело дыша и упёршись руками в колени. Неизвестно, кто первый снова прыснул от смеха. Цзян Шоуянь поднял голову и слегка хлопнул Чэн Цзайе по плечу:

— Псих. Теперь нам придётся тащиться обратно вверх.

Несмотря на эти слова, Чэн Цзайе, видя на лице Цзян Шоуяня живую, нескрываемую радость и бодрость, ощутил искреннее счастье.

— Устал? — Чэн Цзайе выпрямился. — Если устал, я донесу тебя наверх на спине.

Цзян Шоуянь развернулся, собираясь идти в гору самостоятельно, но не успел сделать и двух шагов, как чьи-то руки подхватили его под колени и плечи. В следующее мгновение Чэн Цзайе уже поднял его. Цзян Шоуяня впервые в жизни несли вот так, на руках. На мгновение ему стало неловко, он поболтал ногами и сказал:

— А ну пусти меня.

— Какой же ты лёгкий, Цзян Шоуянь, — Чэн Цзайе на ходу слегка подбросил его, поправляя поудобнее. Он всегда знал, что тот худой, и старался готовить как можно разнообразнее, лишь бы партнёр немного прибавил в весе. — Ты что, раньше совсем не ел нормально?

Сейчас Цзян Шоуянь и впрямь немного округлился, но всё равно выглядел очень худощавым — его талию, казалось, можно было обхватить одной рукой. Перед приездом в Лиссабон из-за смерти близких Цзян Шоуянь пережил тяжёлый нервный срыв и почти не мог есть. За короткие два месяца он стремительно потерял шесть килограммов, организм настолько истощился, что восстановить его быстро было невозможно.

Цзян Шоуянь немного помолчал, опуская болезненные воспоминания, и лишь ответил:

— Раньше на работе было слишком много дел, иногда просто не хватало времени поесть.

Стоило мыслям переключиться, как он забыл о своём смущении от того, что Чэн Цзайе несёт его на руках. Когда они вернулись на прежнее место, Чэн Цзайе опустил его на землю и принялся вызволять застрявший между камней электроскутер.

Цзян Шоуянь присел, чтобы собрать выпавшие вещи, снова надел рюкзак и поднял глаза на Чэн Цзайе.

— Пойдём, — сказал тот. — Придём домой, и я приготовлю тебе ужин.

Цзян Шоуянь с улыбкой возразил:

— Мы же договорились, что сегодня вечером готовлю я.

— Ну, тогда я буду у тебя на подхвате. — Чэн Цзайе поправил растрёпанные ветром волосы Цзян Шоуяня и, склонив голову, спросил: — Жду не дождусь. Цзян Шоуянь, чем вкусненьким ты меня угостишь?

Цзян Шоуянь умел готовить довольно много блюд. В детстве бабушке приходилось подрабатывать, а мать целыми днями печалилась, изводила ненавистью себя и окружающих. Тут уж было не до готовки — было удачей, если она не разбивала тарелку, которую ей приносили. Поэтому Цзян Шоуяню приходилось самому заботиться о себе. Поначалу он умел только разогревать еду, приготовленную бабушкой, но постепенно научился жарить овощи, мясо и в конце концов набил руку. Когда он подрос, готовить стал меньше: во время учёбы ел в столовой, а когда начал работать, бабушка содержала дом в идеальном порядке, не давая ему ни о чём беспокоиться. И вот теперь, стоя на кухне и касаясь посуды, Цзян Шоуянь на миг впал в оцепенение.

— Что такое? — Чэн Цзайе помог ему завязать фартук и уткнулся носом в его шею, оставив поцелуй. — Почему замер? Неужто вдруг вспомнил, что на самом деле не умеешь готовить?

Тёплое дыхание у шеи вызвало щекотку, и Цзян Шоуянь повёл плечом:

— Да с чего бы? Просто давно не практиковался, боюсь, со вкусом могу промахнуться.

— Ничего страшного. — Чэн Цзайе тоже надел фартук. — Даже если ты всё сожжёшь до углей, я скажу, что это очень вкусно.

Цзян Шоуянь тихо рассмеялся.

Пока он резал овощи, Чэн Цзайе помогал их мыть и чистил лук, имбирь и чеснок. Для ужина Цзян Шоуянь выбирал не слишком сложные блюда: приготовил свинину с острым перцем, салат из трёх видов овощей и суп с нежной свининой и огурцом. Это была обычная домашняя еда — та самая, которой его часто кормила бабушка.

Должно быть, для создания уюта в кухне деревянного домика установили лампы тёплого жёлтого цвета — точь-в-точь как в доме Цзян Шоуяня. И вот, сидя за столом и глядя, как Чэн Цзайе уплетает его стряпню, он на мгновение почувствовал, как воспоминания путаются. Подобное ощущение возникало ещё в супермаркете, когда они выбирали продукты, но там незнакомые европейские лица вокруг и ценники на португальском быстро приводили его в чувство. Вот и сейчас: стоило Чэн Цзайе поднять голову, как Цзян Шоуянь словно возвращался из сна в реальность. Или, вернее сказать, он уже не совсем понимал, что из этого было сновидением.

— Попробуй вот это. — Чэн Цзайе положил в тарелку Цзян Шоуяня кусочек мяса. — Получилось очень вкусно.

Цзян Шоуянь опустил голову. На самом деле вкус бабушкиной еды был совсем другим, и приготовленное им самим не могло пробудить в нём те самые воспоминания, но в этот миг им всё равно овладело непреодолимое желание разрыдаться.

Чэн Цзайе почувствовал, что настроение Цзян Шоуяня внезапно упало. После ужина он сложил посуду в машину, прибрался и вышел из кухни. Цзян Шоуянь уже успел принять душ и вымыть голову — теперь он сидел на диване с мокрыми волосами и листал что-то в телефоне. Чэн Цзайе налил в стакан воды и развёл лекарство. Днём после сёрфинга Цзян Шоуянь дважды чихнул, да и по возвращении пару раз кашлянул. Опасаясь, как бы тот по-настоящему не разболелся, Чэн Цзайе решил дать ему профилактическое средство.

— Что это? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе ответил:

— Лекарство от простуды.

Цзян Шоуянь не стал спорить и выпил всё до капли. После душа влажные волосы Цзян Шоуяня мягко спускались к шее. Чэн Цзайе достал купленную днём мазь, чтобы смазать синяк на подбородке Цзян Шоуяня — удар доской был несильным, остался лишь желтовато-синеватый, почти незаметный след. Наверное, процедура была приятной, потому что Цзян Шоуянь слегка прикрыл глаза. Чэн Цзайе снова коснулся его влажных волос и сказал:

— Цзян Шоуянь, давай я высушу тебе голову.

Отложив мазь, он достал из шкафа фен, проверил температуру воздуха на ладони и только после этого поднёс его к макушке Цзян Шоуяня. Тот, скрестив ноги, сидел на диване и чувствовал, как пальцы Чэн Цзайе перебирают его волосы. Струя тёплого воздуха и эти мягкие прикосновения так расслабляли, что его начало клонить в сон. Шум фена над ухом стих. Сквозь дрему Цзян Шоуянь услышал, как Чэн Цзайе что-то сказал. Он кивнул и промычал что-то в ответ — сам не зная что, — повалился на диван и уснул.

Чэн Цзайе вымыл стакан и вышел из кухни. В тусклом свете лампы он увидел крепко спящего Цзян Шоуяня. Кажется, его постоянно клонило в сон, но, по крайней мере, он перестал курить, чтобы взбодриться. Чэн Цзайе подошёл и, стоило ему подхватить его на руки, как Цзян Шоуянь, не просыпаясь окончательно, схватился за его воротник и невнятно пробормотал:

— Куда мы?

Чэн Цзайе коснулся губами его виска и ответил:

— Наверх, спать.

Видимо, почувствовав себя в безопасности, Цзян Шоуянь бессознательно потёрся головой о его грудь и снова провалился в сон.

Дверь в комнату была открыта, свет горел. Чэн Цзайе бережно опустил его на кровать и накрыл одеялом до самой груди. В горах перепад дневных и ночных температур был резким: хотя и стояло лето, утром и вечером было прохладно. Цзян Шоуянь перевернулся, зарылся лицом в подушку и вместе с ней откатился к стене. То, что было спрятано под подушкой, внезапно открылось взору Чэн Цзайе. Это был сложенный, слегка помятый лист бумаги.

Он вспомнил день накануне их вылета на Сан-Мигел. Тогда он случайно заметил в дверях комнаты, как Цзян Шоуянь пытался спрятать этот листок. Хотя секундная паника была искусно скрыта, Чэн Цзайе, который всегда внимательно относился к реакциям Цзян Шоуяня, успел её уловить. Он протянул руку. Интуиция подсказывала: в этой бумаге кроется причина частых перепадов настроения Цзян Шоуяня, тот самый пробел в его прошлом, который Чэн Цзайе так хотел заполнить. Владелец бумаги спал. Даже если бы он вытащил её, прочитал и вернул на место, Цзян Шоуянь ничего бы не узнал. Но Чэн Цзайе этого не сделал. Он лишь подцепил уголок листа и задвинул его глубже под подушку. Затем снова склонился, поцеловал Цзян Шоуяня в висок и тихо прошептал:

— Спокойной ночи.

Однажды Цзян Шоуянь сам захочет ему рассказать. Чэн Цзайе предпочитал услышать это лично, а не подсматривать украдкой. Он бесшумно погасил свет и вышел из комнаты. Он готов ждать. И ждать он умел.

<http://bllate.org/book/14908/1588498>